

ДОЛГИЙ ПУТЬ К ПУШКИНУ

Труд. - 1994. - 19 янв. - с. 7.
Немцы проявляют интерес к творчеству великого поэта

Пушкин А.С.

19.1.94.

В УКОМНОМ зале роскошного отеля «Дрезден» приютилась крохотная выставка, посвященная Пушкину. Рядом кипел страстями форум по проблемам немецко-русских экономических связей, но деловые люди, поглощенные суровой прозой будней, не обходили своим вниманием и великого поэта.

Стенды с рисунками и литографиями Пушкина, восторженными отзывами читателей, официальными документами. В двух витринах произведения на немецком языке, изданные в разные годы. Посеребшая от времени книга «Кавказский пленник». 1823 год. Санкт-Петербург. Отпечатано в типографии особой канцелярии министерства внутренних дел. Российское, как принято теперь говорить, «силовое» министерство первым издало Пушкина на немецком языке. В 1831 году его примеру последовала «Русско-немецкая библиотека» в Ревеле, выпустившая «Бориса Годунова». Первый зарубежный перевод появился в Берлине в 1840 году. В сборнике с «Бахчисарайским фонтаном», «Цыганами», «Полтавой» первая короткая биография поэта. Не без удивления обнаружил я берлинское издание «Евгения Онегина», датированное 1916 годом, когда в очередной раз на смерть бились друг с другом русские и немцы. Зигзаги и парадоксы истории?..

Беседую с самым авторитетным пушкинистом в ФРГ профессором Дитером Кайлем, отца которого звали Фридрихом. С заметным удовольствием профессор перевел и соединил имена в русские — Дмитрий Федорович, хотя нет в его жилах и капли русской крови.

— Дмитрий Федорович, как вы пришли к Пушкину?

— До тридцати третьего года в Германии действовало множество молодежных организаций и клубов, в которых, в частности, собирались любители пения. Как-то в десятилетнем возрасте я услышал русские напевы, которые поразили меня своей красотой и мелодичностью. Позже ходил с друзьями в русские рестораны, где наслаждался этими песнями. Интерес к языку нарастал, и в 16 лет удалось устроиться на вечерние курсы в берлинской гимназии. Очень повезло с преподавательницей. Она увлекательно строила занятия и уже через полтора месяца познакомила нас со сказками Пушкина. Так началось мое проникновение в волшебный мир его творений.

— Близилась вторая мировая война, готовилось нападение на Советский Союз. Уже сгорели на кострах произведения Гейне и Манна...

— Книжки Пушкина не трогали, наверное, потому, что нацисты его не знали. А русский язык мне пригодился. Став солдатом, я занимался сначала преподавательской работой. Только после сталинградской катастрофы оказался на фронте в Прибалтике, где и попал в плен в день капитуляции.

— За пять лет плена знание русского языка сослужило вам добрую службу или наоборот?

— Бывало по-разному. Работал я в основном на стройках. В Мончегорске добывал никель, на Украине трудился в каменном карьере. Меня сразу поставили нормировщиком и, конечно, определили в переводчики. Тут-то и вышла загвоздка. Дважды в лагерь приходили распоряжения отпустить меня домой, дважды я доезжал до станции, но оба раза меня возвращали — требовался мой русский язык в лагере. Только с третьего захода вернулся в Германию. Университет в Бонне — славистика и классическая археология, одновременно преподавал в гимназии русский язык. В 1955 году защитил докторскую диссертацию.

— По Пушкину...

— Представьте, нет. По лирике Фета. О нем практически никто не писал.

— Но с профессиональным выбором уже все стало ясно?

— В ту пору я еще находился на перепутье. В 1955 году, когда канцлер Аденауэр отправился в Москву для нормализации отношений между ФРГ и СССР, меня включили в делегацию переводчиков.

— Что-то осталось в памяти от этого исторического события?

— На торжественном приеме в Георгиевском зале Булганин закончил свое выступление поговоркой «Терпение и труд все перетрут». Коллега с советской стороны перевел дословно, что, конечно, было неточно. Пока мы с ним искали подходящий оборот по-немецки, начал говорить Аденауэр. Я, заметил он, познакомился здесь с разными людьми. В том числе с господином Хрущевым, очень импульсивным человеком, который откровенен в своих высказываниях. Я же перевел последнюю фразу так: «Который не держит язык за зубами».

Это дало возможность Хрущеву остро и находчиво отреагировать. Зато, сказал он Аденауэру, я не держу и камень за пазухой. Все засмеялись, а канцлер добавил: «Я думаю, на этого человека можно положиться».

Затем мне предложили работу в МИДе, но я решил, что исторические визиты совершаются не каждый день, а рыться в официальных бумагах неинтересно.

И начал преподавать русский язык в Гамбургском университете, других учебных заведениях. Это продолжалось 12 лет, а свободное время я отдавал переводу «Евгения Онегина» и вообще пушкинистике. В 1971 году стал профессором Боннского университета.

— Что значит для вас наш классик?

— Мог бы сказать «всё», но хочу избежать обвинений в высокопарности. Великого русского поэта, к сожалению, плохо знают в Германии, да и вообще на Западе. Хотя Томас Манн говорил: «Если бы меня попросили назвать величайших поэтов, то среди шести, даже четырех, я бы непременно назвал Пушкина». Вот это достойная оценка. Пушкин и как поэт, и как мыслитель, оставаясь сыном России, в то же время общечеловечен, был и останется гордостью и достоинством мировой культуры.

— В Германии есть прекрасные специалисты-пушкинисты, но, я согласен с вами, в массе великого поэта знают плохо. Правда, в бывшей ГДР Пушкину уделяли немало внимания. Его именем были названы дворцы культуры, школы, улицы многих городов.

— Очень жаль, что сейчас идет сплошное переименование. А причин, почему величайший поэт мало известен в Германии, несколько. Нередко это было связано с политикой, с антирусскими настроениями в тот или иной период. В прошлом веке в Германии Пушкина ошибочно считали подражателем Байрона. Иногда имя русского поэта возникало в связи с явлениями, так сказать, «вторичного происхождения» — в связи с оперой «Евгений Онегин», спектаклями по мотивам его произведений, что, конечно, уводило от первоисточков.

Вместе с тем, занимаясь темой «Пушкин и Германия», открываешь неожиданные факты пушкинского «присутствия» в нашей культуре. Ницше, например, не знал Пушкина, и его философия не подверглась влиянию русского поэта. Но будучи студентом университета и серьезно занимаясь музыкой, Ницше переложил на музыку пушкинские строки «Заклинание», потом и балладу «Ворон к ворону летит». Кстати, эту же балладу перевел и создатель гимна «Германия превыше всего!». Есть доказательство, что сцена из пушкинского «Фауста» повлияла на окончание второй части «Фауста» Гете.

— Пушкин и Гете — наверное, интереснейшая тема для исследователя.

— Оба великие национальные и общечеловеческие поэты. Вспоминается мне, как в плену с разрешения начальства мы отмечали совместный юбилей Пушкина и Гете. В немецком лагере это было бы невозможно.

— Вероятно, препятствием для восприятия поэта является языковой барьер. Хотя, с другой стороны, существует немало отличных переводов...

— Переводимость поэзии вообще, а пушкинской особенно — серьезная проблема. Мелодия языка при переводе не передается. Подлинный Пушкин исчезает. Он так старательно искал одно-единственное, самое точное и нужное слово из богатейшего русского языка, что самому лучшему переводчику не дано пройти такой путь. В этом я в очередной раз убеждаюсь сейчас, переводя «Медного всадника».

— У вас много переводов, более десятка научных работ о Пушкине, в том числе и такая фундаментальная, как «Балладный мотив от Гете до Пушкина».

— Не я один в Германии стремлюсь к популяризации творений гениального русского поэта. В 1987 году мы, трое славистов, издали сборник статей к юбилею и поместили в нем призыв основать в ФРГ «Пушкинское общество». Сборник вышел небольшим тиражом, но тут же откликнулось более сорока человек. Возникшее «общество» провело уже несколько международных симпозиумов и форумов. В ноябре предстоит очередной — в Дюссельдорфе. Читаем доклады, организуем выставки, издаем печатные труды.

— Есть ли связи у немецкого «Пушкинского общества» с Россией?

— Российское «Пушкинское общество» возродилось в 1989 году, я был приглашен с докладом на первое заседание. Тесно сотрудничаем с академиком Д. С. Лихачевым. Мы избрали его почетным членом нашего общества, вручили в Боннской ратуше грамоту со старой русской орфографией. Тогда мы не знали, что он был арестован и попал на Соловки из-за этой самой старой орфографии.

— Ну вот, Дмитрий Федорович, невольно коснулись наших старых бед. А у нас и новых хватает...

— Надеюсь, в трудное для России время наследие великого Пушкина, его традиции охранят от распада, не дадут понести урон русской, а значит, и мировой культуре.

Беседу вел
Рудольф КОЛЧАНОВ,
собр. корр. «Труда».
БОНН.